

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ГАЙДАРА

• ТЕКСТ | Дмитрий ТРАВИН

Егор Гайдар.
Смуты и институты.

В книге: Гайдар Е. Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. — СПб.: Норма, 2009. — 336 с. — Тираж 7000 экз.

К концу своей жизни, столь резко оборвавшейся 16 декабря прошедшего года, Егор Тимурович Гайдар все больше интересовался не экономикой, а политикой. Не проблемой реформ, а проблемой устойчивости государства. Не тем, как изменить жизнь общества, а тем, как общество выживает в те трудные эпохи, когда его жизнь меняется по объективным причинам. Последняя книга Гайдара «Смуты и институты» посвящена политической истории. Эта сравнительно небольшая работа, которую автор завершил

в 2009 году, вошла вместе со старым его исследованием «Государство и эволюция» в книгу «Власть и собственность», появившуюся на прилавках магазинов примерно за месяц до кончины автора.

Не статья Югославией

Нетрудно понять, почему Гайдар-исследователь заинтересовался проблемой смутных эпох мировой истории. Когда ему довелось осуществлять реформы в России, на дворе стояла как раз одна из таких смут. Государство фактически было развалено совместными усилиями бесконечно маневрировавшего Михаила Горбачева, неудачливого экономического реформатора Николая Рыжкова, рвавшихся к власти путчистов из ГКЧП (Янаев, Крючков, Павлов и т.д.), а также Бориса Ельцина и других республиканских лидеров, которые не прочь были перетянуть к себе часть властных полномочий союзного центра.

Запасов продовольствия к моменту вхождения Гайдара в правительство уже не имелось (об этом подробнее см. другую книгу Гайдара — «Гибель империи»). Старая — административная — система управления экономикой рухнула. Новой — рыночной — никто так и не смог создать. Механизмов, с помощью которых еда так или иначе должна была оказываться на столе россиян, больше не существовало. Как не существовало, в общем-то, и механизмов, с помощью которых вода должна была течь по трубам в квартиры, а газ — на теплоэлектростанции.

Понятно, что в подобной ситуации перед правительством объективно стоял не только вопрос о переходе к рынку,

но и о сохранении важнейших государственных институтов. При неблагоприятном развитии событий могла бы начаться война, подобная той, которая как раз в начале 90-х шла в Югославии. Напомню, что там тогда дело не ограничивалось конфликтами на периферии. Сражались между собой два ключевых славянских государства — Сербия и Хорватия. Нетрудно представить себе, что в аналогичной ситуации могло бы быть у нас, если бы земли начали делить Россия с Украиной, причем каждая страна в ходе этого раздела воспользовалась бы имеющимся в ее арсенале ядерным оружием.

Сейчас у нас много говорится о том, что, мол, в конце 90-х имелись серьезные угрозы существованию нашего государства. На этот счет много чего сочинили специально обученные люди. Но если вернуться от мифов к реальной жизни, то трудно не признать, что угроза существованию России была реальной в начале 90-х годов. Распад Союза после действий ГКЧП уже невозможно было предотвратить, а вот вопрос о том, пойдет ли распад дальше, стоял чрезвычайно остро.

Гайдару в тот момент довелось работать в условиях разваливающегося государства. Но парадокс российской науки (не говоря уже о парадоксе массового сознания) состоит в том, что Гайдара воспринимают как человека, который мог якобы спокойно дергать за веревочки и вести страну в том направлении, в каком следовало бы, исходя из оптимальных теоретических представлений. Кабинетные теоретики, не желающие знать реальных условий, в которых осуществлялись реформы, называют Гайдара кабинетным

теоретиком, не желавшим думать об условиях, в которых гражданам России приходилось реформы переносить.

Либерал-государственник

В своей последней книге Гайдар показал, как важно беречь государство и как велика опасность смут в стране, где разваливаются государственные институты. «Чем сложнее институты, — отметил он, — тем более хрупкими они оказываются при крахе централизованного государства» (стр. 23). Фактически Егор Тимурович выступил как убежденный государственник. И это при том, что автор книги ни на минуту не перестал быть либералом.

Как возможен подобный парадокс?

На самом деле представления о том, что либералы выступают против сильного государства, не соответствуют действительности. Они выступают против слишком большого государства, которое хапает под себя много собственности и полномочий, а потому не может ими эффективно распоряжаться.

Большое государство — источник большой коррупции. Ведь в нем правит чиновник, проконтролировать которого не способен никто. А сильное государство — это некоррупцированная власть, оставившая за собой минимум полномочий, но жестко и эффективно добивающаяся поставленных целей. Сильное государство должно обеспечивать безопасность народа. То есть оно включает в себя современную мобильную армию и правоохранительные органы, защищающие нас от преступников. В том числе преступников экономических, которые не выполняют условий сделки, не возвращают вклады, монополизируют рынок и т.д.

Гайдар как настоящий либерал выступает за сильное государство. А в своей книге он показывает, что перед распадом СССР государство сильным не было. Оно еще оставалось

большим. Оно контролировало собственность и делало вид, будто планирует производство. Но защитить людей от мошенников оно не могло и не хотело. В том числе оно не могло защитить народ от мошенников, которые под видом заботы о нем печатали и печатали деньги, порождая сильнейшую инфляцию, обесценивавшую сбережения. Откровенное мошенничество с деньгами осуществлялось несколько лет до распада Союза. Осуществлялось оно и после ухода Гайдара с премьерского поста. Да и сам Гайдар, увы, не обладал реальной властью, чтобы пресечь эмиссионную активность Центробанка во главе с Виктором Геращенко.

Усилий самого сильного лидера недостаточно для того, чтобы мгновенно вернуть силу государству, коли оно уже развалено правителями старого режима. Только когда восстанавливается нормальный сбор налогов и когда удастся защитить права собственности, прекращается мошенничество с деньгами и сдерживается коррупция. Увы, такого состояния мы не достигли и по сей день.

Особенность новой России

Книга Гайдара была бы просто комментарием к гайдаровской эпохе, если бы содержала лишь рассказ о трудностях нашего времени. Но «Смуты и институты» построены на рассказах о том, как распадалось государство в разных странах и в разные времена. В частности, Гайдар подробно анализирует проблемы, возникшие во время Великой французской революции и во время русской революции 1917 года. Последствия прискорбной слабости государства, увы, всюду чрезвычайно похожи: бардак в экономике, инфляция, неспособность элементарно накормить собственный народ...

Особенность той смуты, в ходе которой спасти государство довелось самому Гайдару, состоит в том, что выйти из нее

удалось без террора, репрессий и гражданской войны. Вообще-то при разваленном государстве вероятность такого выхода не слишком велика. К счастью для нас, Россия «проскочила» через многие опасности с минимальными потерями. Ценой этого стала, как ни парадоксально, ненависть к реформаторам.

• Представления о том, что либералы выступают против сильного государства, не соответствуют действительности. Они выступают против слишком большого государства, которое хапает под себя много собственности и полномочий, а потому не может ими эффективно распоряжаться

Впрочем, почему мы считаем это парадоксальным? Репрессии и войны уничтожали недовольных и давали на костях старых классов подняться классу новому. Эти «новые люди» всем своим достоянием обязаны были вождям, проведшим страну через катаклизмы. Они молились на Наполеона и на Ленина со Сталиным.

В нашем же случае «новый класс» вынужден адаптировать свои представления к мнению толпы, ищущей, на кого бы возложить ответственность за проблемы, возникшие в ходе распада государства. И часто так бывает, что ответственность возлагается на тех, кто спасал государство, а не свою репутацию. **15**